



МИР ПРИ- КЛЮ- ЧЕ- НИЙ

Андрей Балабуха

Майский день

«Автор»

Балабуха А. Д.

Майский день / А. Д. Балабуха — «Автор»,

© Балабуха А. Д.

© Автор

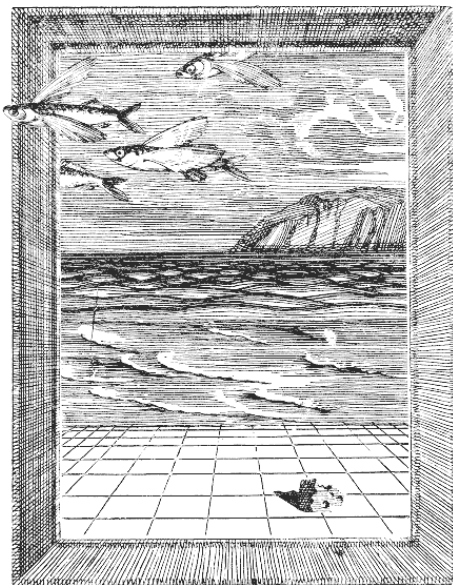
Содержание

I	6
II	10
III	14
IV	17
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Андрей Балабуха МАЙСКИЙ ДЕНЬ Фантастическая хроника

*О всех кораблях, ушедших в море,
О всех, забывших радость свою.*

А. Блок



I

В это майское утро все было прекрасным: и море, очень синее и очень спокойное, такое спокойное, что кипящие кильватерные струи из-под раздвоенной кормы «Руслана» уходили, казалось, в бесконечность, тая где-то у самого горизонта; и небо, очень синее и очень прозрачное, с удивительно уютными и ручными кучевыми облачками, томно нежившимися на солнце. От палубы пахло совсем по-домашнему, как от пола в той допотопной бревенчатой хоромине в Увалихе, где Аракелов отдыхал прошлым летом. Каждое утро хозяйка, болтливый колобок катавшаяся по дому баба Дуся, мыла некрашенный, отполированный годами и шагами пол, надраивала его голиком, и вокруг распространялся аромат дерева, солнца, воды... Собственно, почему солнца? И почему воды? На этот вопрос Аракелов ответить не мог. Ему так казалось – и все тут. Этот запах будил его, он еще несколько минут лежал, вслушиваясь в равномерное шарканье голика и невнятное пение-бормотание бабы Дуси, и его наполняло чувство полного отрешенного отдыха.

Так оно было и сейчас. Свои шестьсот часов он отработал. Теперь можно позволить себе роскошь поваляться в шезлонге в тени «Марты», глядя, как сливаются и тают вдаль пенные полосы, говорливо рвущиеся из-под кормы; можно почувствовать себя на борту «Руслана» просто пассажиром, таким пресыщенным туристиком, совершающим очаровательный круиз «из зимы в лето». Шестьсот часов – по шестидесяти на каждой из десяти глубоководных станций – программы дают на это право. Жаль только, кейфовать ему недолго: завтра «Руслан» зайдет на Гайотиду-Вест, а оттуда на перекладных – сперва дирижаблем «Транспасифика» до Владивостока, потом самолетом – Аракелов за три дня доберется докой. А там и до отпуска рукой подать...

Эх! Аракелов, вкусно перехрустев всеми суставами, заложил руки за голову и стал смотреть, как резвится в полукабельтове от борта «Руслана» небольшая – голов десять – двенадцать – стайка дельфинов-гринд. Здоровенные зверюги чуть ли не в тонну весом вылетали из воды, с легкостью заправских балерин совершали этакий «душой исполненный полет» и гладко, почти без брызг возвращались в море. Это выглядело так противоестественно, что невольно захватывало дух.

Через полчаса Аракелову пришлось все же встать и вслед за неумолимо сокращавшейся тенью передвинуть шезлонг метра на два в сторону, под самый бок «Марты». Аракелов похлопал рукой по прохладному металлу ее борта: лежи, лежи, чудовище, мы с тобой славно поработали. Только тебе еще маяться и маяться, а я уже все. Впрочем, тебе-то что, ты железная... Это про нас только говорят, что мы железные. А на самом деле мы вовсе не железные. Мы черт знает насколько не железные. Не то что ты! А пока – отдыхай... Сколько ж тебе отдыхать? Дня два, пожалуй. Помнится, следующая станция милях в пятидесяти севернее Караури. Точно, два дня. Значит, когда ты пойдешь туда, вниз, я буду спокойненько перекусывать в буфете какого-нибудь Омска-Томска...

«Марта» была глубоководным аппаратом из третьего поколения потомков «Алвина» и «Атланта». Маленькая двухместная машина, скорее похожая на самолет, только с перевернутым почему-то вниз хвостовым оперением. Этакий несуразный пятиметровый самолетик, тяжеловесный такой самолетик, даже на взгляд тяжеловесный, хотя в воде он и мог дать сто очков форы любому истребителю. Ну, это я, пожалуй, подзагнул, подумал Аракелов. Это слишком. Но все равно, посудинка хороша. Аракелов снова с нежностью погладил рукой стальной борт.

В сущности, их ничто не связывало. «Марта» работала только в верхних горизонтах, до семисот метров, тогда как Аракелов – глубинник – редко ходил меньше чем на тысячу. И все же... Все же оба они были оттуда. Аракелов – наполовину человек, наполовину батиандр,

одушевленная машина для исследования глубин; «Марта» – глубоководный аппарат, который Аракелов с удовольствием очеловечивал. В чем-то они были близки друг другу...

Аракелов достал из-под шезлонга предусмотрительно припасенный термос, налил в стаканчик соку – стаканчик мгновенно вспотел, – выпил и поставил термос на крыло «Марты».

Крыло было массивное, короткое, и это больше всего отличало «Марту» от самолета. Зато пара манипуляторов, выдвигавшихся как раз там, где у самолета шасси, усугубляла сходство. Перебирая эти сходства и различия, Аракелов запутался окончательно. И ладно, лениво подумал он. Похожа, не похожа... Ну и что?

По узкому трапу с ботдека спустилась Марийка и, улыбаясь, пошла к Аракелову. Аракелов помахал ей рукой. Он прикрыл глаза, но из-под приспущенных век откровенно любовался ею. Высокая, статная, она была Аракелову выше плеча – это при его-то ста девятности восьми! Но самым удивительным в ней была походка – не женщины, а феи-акселератки, из тех, что в лунные ночи танцуют на лесных полянах и под их хрустальными тувельками не сминается трава...

Марийка вытащила из щели между тупым носом «Марты» и лебедкой второй шезлонг и расставила его рядом с аракеловским.

– Ж-жарко, – выдохнула она. – Я посадила Володьку за обсчет, а сама сбежала... Отдыхаешь, дух?

– Угу-м, – неопределенно промычал Аракелов.

Духами называли батияндров. Повелось это с тех пор, как кто-то из газетчиков окрестил их «духами пучин», антиподами «ангелов неба» – космонавтов. «Ангелы неба и духи пучин...» Чье это? Из какого-то стихотворения... Аракелов попытался вспомнить, но не смог. А может, и не знал никогда. Впрочем, «небеса» и «пучины» в обиходе быстро отпали, но «ангелы» и «духи» прижились. Тем более, что флотские традиции живучи, а с исчезновением пароходов и кочегаров надо же стало называть кого-то духами...

– Попить-то дай, – сказала Марийка. Именно сказала, а не попросила и даже не приказала. – Что там у тебя? Небось опять соки хлещешь?

– А как же... Грейпфрут и манго. Упоительное сочетанье. Услада желудка.

– Так угостишь?

Марийка медленно, с видимым наслаждением потягивала коктейль. Потом протянула Аракелову пустой стакан:

– На, заberi... услада желудка. И куда же ты теперь?

– В Ленинград, куда ж еще. Отчитаюсь, а там и отпуск.

– И сколько тебе набежало?

– Дней пятьдесят... Точно не знаю, не считал еще. А что?

– Так просто... Решил уже, куда поедешь?

– Нет, – сказал Аракелов, хотя перед глазами его мгновенно прокрутилась целая короткометражка: пронизанный солнцем сосновый бор, тот, что километрах в трех к северо-западу от Увалихи, мягкий, пружинящий под ногами, словно хорасанский ковер, мох, в котором кеды утопают по самые наклейки на щиколотках, одуряющий смолисто-хвойный запах... И чуть впереди – шагов на десять, не больше – Марийка в синих джинсах и свитерке, с волосами, тщательно упрятыми под косынку... Такой он ее никогда не видел. Но такой она должна была быть – там, в Увалихе, вместе с ним. Каждое утро просыпаться под бабы Дусино пение, пить парное молоко и до одури бродить по лесу, а иногда – уходить с палаткой или даже без, просто так, с одеялом в скатке, чтобы ночевать у костра где-нибудь на берегу Щучьего озера... Отпуск! Если бы он получился таким!

– Нет, – повторил Аракелов. – Ничего я еще не решил. А ты? У тебя ведь тоже отпуск?

Марийка кивнула.

– Не знаю... Море – надоело. В горы податься, что ли? Вот ребята на Памир зовут... Искупаемся, а? – Это было сказано безо всякого перехода, с естественной для Марийки не последовательностью.

– Давай, – сказал Аракелов. – В бассейне, по-моему, никого.

– Ага, – отозвалась Марийка. – Сейчас. Лень вот что-то. Уходить не хочется. Да и разговор у нас с тобой увлекательный. Интеллектуальный.

– Просто на диво интеллектуальный, – согласился Аракелов. – Душу радует и умы волнует. Так что давай иди.

– И пойду. Вот только посижу еще немного.

– Сиди, – милостиво разрешил Аракелов. – У тебя программа когда кончается?

– Через две недели.

– И в институт?

– Конечно.

– Ясно... – Аракелов помолчал. – Я тебя встречу, пожалуй. Если, конечно, в городе буду.

Ты самолетом?

– Самолетом.

Они помолчали. Потом Марийка спросила:

– Ты уже завтракал?

– Нет еще. А ты?

– Тоже нет. А неплохо бы...

Аракелов посмотрел на часы.

– Еще минут сорок.

– Да, сейчас бы... Чего бы это такого? Котлет, например, картофельных с грибным соусом, а? Как ты думаешь?

– Не знаю. Я их последний раз пробовал года четыре назад. В Таллине. В столовой на Виру.

– Никогда не была в Таллине.

– Кстати, о котлетах. Я, между прочим, по пельменям большой специалист. Как ты к ним относишься?

– Положительно.

– Это хорошо. Терпеть не могу, когда усладу желудка приносят в жертву сохранению фигуры.

– Ничего с моей фигурой не будет.

– Так придешь ко мне на пельмени?

– В шесть часов вечера после отчета?

– Точно.

– Я подумаю.

– Только не слишком долго. Мне ведь всего два дня осталось. Даже полтора, собственно.

Если она согласится прямо сейчас, загадал Аракелоз, то все будет. И то, что было, и то, чего не было. И Увалиха будет. И отпуск. И все, все, все...

Но прежде чем Марийка успела открыть рот, наверху, на ботдеке, всхрапнув, проснулся громкоговоритель:

– Аракелова на мостик! Аракелова на мостик!

Аракелов чертыхнулся.

– Иди, – сказала Марийка. – Иди. Мастер¹ ждать не любит.

– Что там еще стряслось?

– Вот потом и расскажешь. Иди. А я пока смесь твою допью. Договорились?

¹ Мастером на международном судовом жаргоне называют иногда капитана.

– Договорились, – кивнул Аракелов. – Так как насчет пельменей?

– Я подумаю.

– Подумай, – сказал Аракелов. Он безнадежно вздохнул и встал. – Ну, я пошел.

Марийка смотрела на него снизу вверх, и лицо у нее было... Аракелов так и не успел определить какое, потому что вдруг – неожиданно для самого себя – наклонился и поцеловал ее. Губы у нее были мягкие, прохладные, чуть горьковатые от сока.

– Убирайся, – шепотом сказала Марийка, отталкивая его.

Но интонация совсем не соответствовала смыслу слов.

Аракелов выпрямился и, не оборачиваясь, зашагал по палубе. Не оборачиваясь, потому что обернуться было страшно.

Уже у самого трапа на мостик он нос к носу столкнулся с одним из трех радистов «Руслана».

– Что там стряслось, Боря?

– Мэйдэй,² – коротко ответил тот и, довольно бесцеремонно отодвинув Аракелова, побежал дальше.

Мэйдэй! Только этого не хватало! Что там еще стряслось?

² Радиотелефонный сигнал бедствия. Состоит из слова MAYDAY, повторенного три раза, и слова ici («здесь»). Полный аналог радиотелеграфного сигнала SOS. Иногда сигнал «мэйдэй» буквально переводят с английского, как «майский день», хотя подобное толкование неверно, как неверно и распространенное толкование сигнала SOS – «спасите наши души». На самом деле оба сигнала подбирались по удобному созвучию и сочетанию знаков азбуки Морзе.

II

– Еще кофе, капитан? – Кора держала в руке кофейник – удлиненный, изящный, с эмблемой «Транспасифика» на боку: стилизованное кучевое облачко, кумула-нимбус, намеченное небрежными, округлыми голубыми линиями, на нем маленький золотой самолетик со стреловидным оперением, а надо всем этим восходящее солнце, которому золотые лучи придавали сходство с геральдической короной. Такой же знак был и на чашке, которую Стентон решительно отодвинул.

– Нет, спасибо. Докурю и пойду в рубку. Давно пора бы появиться этому чертову тунцелову...

– Не волнуйтесь, капитан. – Кора улыбнулась. Она всегда улыбалась, называя его капитаном, от чего уставное обращение превращалось чуть ли не в интимное. На Стентона эта ее улыбка действовала примерно так же, как стеклянный шарик провинциального гипнотизера: притягивая взгляд, она погружала Сиднея в какое-то подобие транса; он, правда, старался не выдавать себя, но вряд ли это удавалось ему успешно, во всяком случае, он был уверен, что Кора прекрасно все замечает. – Ну потеряем мы полчаса, так наверстаем потом...

Он поднялся из-за стола. Кора – тоже. Не многим женщинам идет форма, Стентон знал это прекрасно, но про Кору сказать такого было нельзя. Как, впрочем, было нельзя и сказать ей об этом: в бытность свою стюардессой она наслушалась еще не таких комплиментов... Кора быстрым движением поправила – непонятно зачем, подумал Стентон – свою короткую и густую гриву цвета дубовой коры.

– Пойдемте, капитан! – Удивительно, сколько оттенков можно придать одному и тому же слову! Теперь оно прозвучало как-то залихватски, вызвав в памяти призраки капитана Мариэтта и Майн Рида, но сквозило в нем и скрытое уважение, объясняемое не только субординацией.

– Вы к себе, Кора?

– Да. С Факарао передали список грузов, надо прикинуть, что куда...

С таким суперкарго, как Кора, не пропадешь. У нее было какое-то чутье, интуитивное ощущение корабля: почти без расчетов она всегда могла точно указать, в какой из тринадцати грузовых отсеков дирижабля и в какое место этого отсека надо уложить тот или иной груз, чтобы обеспечить равномерность нагрузок. Однажды Бутч Андрейт, второй пилот и большой любитель всяческих пари, взялся проверять ее работу на корабельном компьютере. В итоге ему пришлось угостить Кору обедом в уютном болгарском ресторанчике в Окленде, причем хитроумная Кора пригласила весь экипаж, благо условия пари предусматривали такой обед, «какой она захочет». Получилось, надо признаться, весьма неплохо... Пожалуй, именно в тот вечер Стентон впервые обратил на нее внимание – не только как на первоклассного суперкарго.

– Хорошо, – сказал Стентон. – Посылка для тунцелова готова?

– Конечно, капитан.

Он быстро прошагал через весь коридор, бегом спустился по винтовой лестнице на грузовую палубу «В» и распахнул дверь рубки.

Пассажиры на транспортных дирижаблях – явление почти исключительное. Иногда это бывают сопровождающие при грузах, еще реже – какие-нибудь особые представители различных ведомств, по тем или иным причинам не имеющие возможности воспользоваться пассажирскими рейсами. И когда они появляются на борту, их специально приводят сюда – позавеселиться и посмотреть на реакцию. Как правило, реакция, увы, не страдает разнообразием: нервная икота, легкий сердечный приступ... И не удивительно – сразу же за овальной металлической дверью начинается ничто, по которому, однако, спокойно расхаживает экипаж и в котором свободно висят пульта, штурвалы, кресла... Даже опытным пилотам, впервые попа-

дающим на дирижабли, стоит некоторого труда преодолеть психологический барьер и шагнуть на абсолютно надежный и бесподобно прозрачный пол рубки, незаметно переходящий в стены. Зато здесь действительно чувствуется полет – не то что в тесной кабине самолета или ракеты. Ты висишь на высоте трех – пяти километров, нет ни вибрации, ни рева двигателей, и земля скользит под тобой с удивительной плавностью, земля близкая и прекрасная, а не та, далекая и почти чужая, какой представляется она со стационарной орбиты...

Бутч Андреит оторвал лицо от нарамника умножителя и обернулся к командиру:

– Есть. Вот он, голубчик. По дальномеру – двадцать две мили.

Стентон кивнул:

– Давно пора. И так мы уже выбились из графика... Кой черт его сюда занесло? Тридцать с лишним миль от точки randevu! Ты связался с ним, Джо? – обратился он к радисту.

– Только что. Капитан приносит извинения. Они готовы.

– Хорошо. Заходи на подвеску, Бутч.

Стентон подошел к своему креслу и сел, положив руки на подлокотники: по традиции посадку всегда осуществляет второй пилот, и Сидней всем видом показывал, что происходящее его не касается, он просто любит панорамой океана. В кресле справа Бутч Андреит положил руки на штурвал. Горизонт медленно и плавно пополз вверх – совсем немного, настолько, что дифферент на нос почти не почувствовался. Молодец, подумал Стентон, на постепенной смене эшелона они выиграют по крайней мере четверть часа. При таком дифференте на вертикальный спуск уже непосредственно над тунцеловом останется метров полтора, даже сто... Ювелир! Скорость падала одновременно с высотой, теперь суденышко уже было видно невооруженным глазом, и не точкой, а четким силуэтом.

– Генеральный груз...³ —брюзгливо проговорил Андреит, глядя прямо перед собой. Его большие руки, казалось, совершенно спокойно и неподвижно лежали на штурвале, но Стентон легко различал под этим мнимым спокойствием готовность к моментальному движению. – Генеральный груз, черт бы его побрал...

– Не ворчи, Бутч. – Стентон оттолкнулся руками от подло котников и встал. – Думаешь, на пассажирском веселее было бы? Утешал бы ты сейчае на палубе «Лидо» какую-нибудь дебелую матрону, для которой мал бассейн или вода в нем не той температуры...

– Может быть... Да только утешать старую каргу и то веселее, чем развозить посылочки по тунцеловам...

– А ты взгляни с другой стороны, Бутч. В этой посылочке не одна сотня дельфиновых жизней.

– То есть?

– А ты даже не поинтересовался, что там?

– Зачем, собственно?

– Это ультразвуковой пугач для дельфинов. Они попадают в тунцеловные кошелю. Что-то около десяти тысяч в год.

А такой пугач их отгонит.

– Любопытно, – сказал Андреит безо всякого энтузиазма. – Знаешь, Сид, за что я тебя люблю? За идеализм. Дельфинчики... Между прочим, ты потому и на Кору смотришь только с двух кабельтовых...

– Стоп, – оборвал его Стентон. Оборвал, пожалуй, даже резче, чем хотелось. – Хватит, Бутч. Займись-ка лучше под веской, пора. – С этими словами он встал и вышел из рубки.

Во втором трюме его встретили Кора и один из матросов ее команды. Стентона всегда забавляло смешение морских и авиационных терминов на дирижаблях: пилот и матрос, швартовка и взлет... Одно слово – воздухоплавание!

³ Генеральный груз – разнородный груз, доставляемый в разные адреса.

Дирижабль быстро пошел вниз, это чувствовалось даже в наглухо закрытом и лишенном иллюминаторов трюме – по характерному ощущению, знакомому всякому, кто спускался в скоростных лифтах; кажется, шахтеры называют его «подпояской». Стентон сказал об этом Коре, она улыбнулась, но улыбка сейчас получилась чисто формальной, надетой: было время работы.

– Как передаем? – спросил Стентон. – На палубу?

– На воду, – ответила Кора.

Это было много проще. Значит, не нужно зависать точно над судном, достаточно сбросить контейнер где-то рядом, пускай парни с тунцелова выуживают его сами. С легким металлическим шорохом почти у самых ног Стентона раздвинулись створки малого грузового люка – квадрат два на два метра, сквозь который стали видны волны. Казалось, Стентон смотрел на них с балкона третьего этажа какого-нибудь приморского отеля. Сбоку, на самом краю поля зрения, виднелся тунцелов – черный корпус, белые надстройки, желтая палуба. До него было меньше кабельтова.

Матрос легко скантовал к люку ящик и столкнул вниз. Стентон проводил посылку взглядом. Еще в воздухе вокруг контейнера вздулись два поплавка – тугие ярко-оранжевые колбасы, заметные даже издали. В тот же миг металлические створки сомкнулись, и после дневного света белые плафоны осветительной сети показались тусклыми и унылыми. Дирижабль уже дал ход, как вдруг пол под ногами легко дрогнул, потом надавил на подошвы – не то чтобы сильно, но так, что Стентон успел это почувствовать. Значит, их подбросило. По ощущению – метров на тридцать – сорок. Словно сбросили аварийный балласт. Впрочем, никакого аварийного балласта на дирижаблях «Транспасифика» нет – не та конструкция. А значит...

Уже у самых дверей рубки Стентон ощутил второй толчок, слабее первого.

Дирижабль, спускаясь, описывал циркуляцию малого радиуса. Под самым полом рубки проскользнули мачты тунцелова, потом Стентон заметил на поверхности океана – впереди по курсу и румба на три вправо – яркий кружок, раскрашенный черно-оранжевыми секторами: Бутч сбросил сигнальный буй. Это второй толчок. А первый?

– Седьмой трюм, Сид, – не оборачиваясь, сказал Андрейт. – Сработал большой люк.

Стентон уже сидел в своем кресле. Он протянул руку и вдавил клавишу селектора:

– Командир к суперкаргу. Кора, что было в седьмом трюме?

Хотя Кора ответила почти мгновенно, он все же успел подумать, что седьмой трюм – это хорошо, потому что это самый маленький из всех тринадцати грузовых отсеков дирижабля. И еще он успел обругать автоматику, потому что самопроизвольное открытие большого люка – это... А если бы открылся люк второго трюма, пока они стояли там и провожали взглядом посылку...

– Седьмой трюм, – сказала Кора. – Глубоководный аппарат «Дип Вью – 10 000». Отправитель – компания «Корнинг гласе уоркс». Владелец – ПУТЕК.⁴ Адресат – океанографическая лаборатория Международной базы Факарао.

– Спасибо.

– Почему «было», Сид? – спросила Кора, но Стентон ее уже не слушал.

– Кора, через пять минут я буду в седьмом трюме. Прошу нас быть там же. И прихватите сопровождающего фирмы, как его... Кулиджа. – Он отключил селектор. – Подвесимся над бумом, Бутч. Джо, свяжись с Базой Факарао и с управляющим перевозками. Я пойду посмотрю, как все это выглядит на месте.

Кора ждала его сразу за дверьми трюма.

– А Кулидж где? – спросил Стентон.

⁴ ПУТЕК – Pacific Undersea Test and Evaluation Center – Тихоокеанский центр подводных исследований и измерений.

Он прошелся по трюму: люк уже был закрыт, и казалось, здесь ровным счетом ничего не произошло. Все было как положено. Вот только... Это что такое?

В самолете количество проводов измеряется десятками километров. В дирижабле – сотнями. Но чтобы провода, да еще так небрежно, явно на скорую руку сплетенные, выходили из распределительной коробки и волочились по полу...

– Что это такое?!

– Капитан... – Кора стояла перед ним, и в лице ее было что-то неживое. – Кулидж... там. У Стентона заныли скулы.

– Где?

Кора молча показала рукой вниз. Так! Стентон понял, что это – конец.

– Зачем?

– Ему нужно было что-то проверить... Он попросил разрешения поработать в аппарате, и я... Я разрешила.

Стентон положил руки ей на плечи.

– Вот что, Кора. Запоминайте. Это приказ. Вы ничего не знали. Это я дал разрешение Кулиджу работать в аппарате во время транспортировки. Поняли? Я. А вы ничего не знали.

Стентон резко повернулся и вышел из трюма. Картина была до отвращения ясной. Этот идиот залез в свой «Дип Вью», разряжать аккумуляторы ему жалко стало, и он присоединился к бортовой сети. Нашел распределительную коробку – руки бы ему, подлецу, оторвать, – подсоединился, запитал внешние вводы аппарата... А когда замкнул цепь, автоматически сработал замок люка. Смотреть надо, куда присоединяешься, болван!

III

Дуракам счастье, подумал Аракелов. Плехнуться с дирижабля в Тихий океан – и угодить на плоскую вершушку гайоты...⁵ То же самое, что выпрыгнуть из самолета над Ленинградом и угодить в собственную постель... Свались он в километре к северу, югу, востоку или западу, все равно, – и не пришлось бы сейчас даже помышлять о спасательных работах. Ведь «Дип Вью» рассчитан на десять тысяч футов, грубо говоря – на три километра. А глубина в этом районе вдвое больше... Впрочем, не такое уж счастье: сидеть, потирая синяки, и смотреть, как медленно истощается твой жалкий кислородный ресурс...

– Мы к ним ближе всех, – сказал штурман. – Два с по ловиной, максимум три часа фул-спита.⁶ Отозвался еще какой-то японец, у него донный робот-двухтысячник на борту, но ему идти минимум часов семь. Так что рассчитывать на него не приходится.

– Сейчас туда идут две патрульные субмарины из отряда Гайотиды-Вест. Буй с маячком с дирижабля сбросили, но точного места это не дает, только ориентировочный квадрат поиска... Если патрульники обнаружат этот самый «Дип Вью», они сэкономят нам по крайней мере час работы, а то и больше, – добавил капитан.

Зададаев, руководитель группы подводных работ экспедиции, или, по его собственному определению, «оберсубмарин-мастер», хлопнул Аракелова по плечу:

– Итак, вводные, Александр Никитич. «Дип Вью» лежит на грунте ориентировочно на глубине девятисот метров. Кислородный ресурс аппарата – девять часов, энергетический запас – семьдесят два часа, последнее, впрочем, принципиального значения не имеет. Самостоятельно отделить аварийный балласт и всплыть Кулидж не может – аппарат к погружению подготовлен не был, не вынуты контрольные чеки. По данным, сообщенным фирмой-изготовителем, всего контрольных чек девять. Таким образом, ваша задача сводится к следующему: обнаружить глубоководный аппарат, вынуть контрольные чеки и подать сигнал Кулиджу; если он почему-либо не сможет включить систему отделения балласта – осуществить это снаружи. Все.

Аракелов кивнул. Ясно. В принципе – простейшая спасательная операция в горизонте ноль девять – один ноль.

Тогда пошли, – сказал Зададаев. – Лучше подготовиться заранее, чтобы к подходу была готовность ноль.

– Международники... – ворчал Аракелов, выходя вслед за Зададаевым из рубки. – Международники, чтоб им. Голубой флажок с глобусиком. Эмблемочка! Другую бы им эмблемочку!

– Какую? – любопытствовал Зададаев.

– Лебедь, рак и щука на лазоревом поле.

Зададаев коротко хохотнул:

– За что вы их так, Александр Никитич?

– Вечно у них ЧП на ЧП... Кто в лес, кто по дрова. А потом люди тонут Нет, ну какой болван пустит инженера obsługi в аппарат во время транспортировки? Под суд за это надо! Я ж говорю – лебедь, рак и щука на лазоревом поле.

– А равнодействующая куда? Туда, куда я полезу. На дно. К дедушке Нептуну.

– Ладно, – сказал Зададаев. – Не ворчите. Вот выручим парня, тогда лайте сколько влезет.

⁵ Гайоты – плосковершинные подводные горы, открыты Хессом во время второй мировой войны.

⁶ Фул-спит – полный ход.

– И облаюсь, – пообещал Аракелов. – Всенепременнейше.

Чтобы всей этой банде Факарао жарко стало. – Это ему понравилось, и он повторил: – База Факарао... Не База, а банда.

Они спустились на главную палубу.

– Вот что, – сказал Аракелов. – Вы идите, Константин Витальевич, скомандуйте там, а я еще задержусь немного. Время есть.

Зададаев кивнул и ушел, и Аракелов направился на корму. Марийка поднялась ему навстречу, и они встали рядом, облокотясь на планширь. Море было все таким же синим и спокойным, дельфины все так же неумоимо резвились в полукабельтове от «Руслана», и вообще ничего не изменилось от того, что где-то там, в ста с небольшим милях к востоку и почти на километровой глубине, лежал на боку (Аракелов и сам не мог взять в толк, почему именно на боку, но виделось ему только так) стеклокерамический кокон «Дип Вью», а в нем этот лопух Кулидж считал оставшиеся ему часы. Часы, оставалось которых только чуть больше восьми. Если, конечно, его не вытащат. Аракелов смотрел на море, но видел уже не томную, блаженную гладь, а ту черную, тугую, холодную бездну, в которой он окажется через несколько часов. В этой бездне можно работать, может быть даже жить, но привыкнуть к ней нельзя, пусть тебя уже семь лет называют «духом пучин». Это не воды шельфа, это бездна, и в ней нельзя полагаться ни на что: ни на зрение, ни на слух, – только легкий зуд эхолотатора указывает путь – как в детской игре «холодно, холодно, холодно, теплее, еще теплее, горячо, совсем горячо...». Сейчас Аракелов был уже не здесь, но еще и не там, и здесь его удерживало только Марийкино присутствие. Она поняла это.

– Ну, ты иди. Я тоже пойду, займусь делом. Мне надо в «Марте» посидеть, на следующей станции она по моей теме работать будет. Ты сюда с собой приемник не брал?

– Нет.

– Жаль. Ну да ладно; схожу к себе. Все под музыку веселее будет. Знаешь, совсем не могу в тишине. Нужно, чтобы фон был. Ну иди, иди, все равно тебя уже нет.

– Я буду вечером, – сказал Аракелов.

– Ты же устанешь как бес.

– Все равно. Вечером я буду. А сейчас в самом деле пойду.

В холле перед кают-компанией сидели вертолетчик Жорка Ставраки, Генрих и двое ребят из палубной команды. Когда Аракелов поравнялся с ними, Жорка приветственно помахал рукой:

– Везет же тебе, дух! Нырнешь сейчас – и еще три дня к отпуску набегит... Нам бы так, простым смертным...

Аракелов остановился.

– Ну, давай поменяемся. Я здесь за тебя потреплюсь, а ты за меня вниз сходи, ладно?

– Ха, кто меня пустит? Я бы и рад... – Жорка развел руками. – Да и вообще не люблю я этого – темно и сыро. Летать рожденный нырять не может!

– Летать? – Генрих могучей дланью шлепнул Жорку между лопаток. – Порхатель ты, ясно? – И, обращаясь к Аракелову, спросил: – Заглянешь вечером?

Аракелов рассмеялся.

– Постараюсь, – пообещал он. – Но ручаться не могу.

Он сделал Жорке ручкой и сбежал по трапу вниз, в «чистилище».

«Чистилищем» его называли не зря. Потому что прежде всего Аракелова в течение полчаса чистили всеми известными современной медицине способами, в том числе и весьма далекими от эстетики. Потом он ел горьковато-солончатый баролит, чувствуя, как все внутренности наполняются чем-то упругим, пухнувшим и тяжелеют. Казалось, больше нельзя проглотить ни грамма, но надо было съесть еще как минимум полкило, и он глотал, морщась, с трудом

подавляя тошноту, глотал, потому что знал: каждый – нет, один-единственный несъеденный сейчас грамм там, внизу, обретет имя «смерть».

Теперь все подчинялось жесткому, до долей секунды расписанному графику. Прямо из-за стола его под руки повели в «парилку», где на него со всех сторон обрушились горячие волны вонючего пара, впитывавшегося в тело, в каждую пору кожи, нещадно щипавшего слизистую носа и глаз, из которых горохом скатывались слезы. Это продолжалось сто тридцать пять секунд, а потом пол под ним начал проваливаться вниз, и Аракелов ухватился за поручни, окружавшие пятачок, на котором он стоял, не потому, что спуск был резким, а потому что его шатало. Теперь нужно было сделать три шага к люку «купальни». Три шага. Первый. Второй... Теперь люк. Два оборота влево. Ручки на себя. Вперед! Снова ручки на себя. Два оборота вправо. И вот он внутри. Теперь уже обратного хода нет. Впрочем, обратного хода не было с той секунды, когда он проглотил первый грамм баролита.

Еще два шага. Эти шаги всегда даются особенно тяжело. И – бассейн. Мерзкая, маслянистая, желеобразная масса, в которую плюхаешься, как в болото. Она чавкает, глотая тебя, и ты начинаешь глотать ее, дышать ею, делать самое, казалось бы, противоестественное, и весь организм, весь, до последней клетки, бунтует против этого, но ты все равно дышишь и глотаешь, глотаешь и дышишь, и постепенно становится все легче, легче, постепенно тело приобретает звенящую и упругую силу, ловкость; это приходит на исходе третьей минуты, и этот момент тоже пропустить нельзя. Надо быстро выбраться из бассейна обратно в сухой объем «купальни». Впрочем, сухим его назвать трудно, потому что с потолка сейчас низвергается не душ – настоящий тропический ливень, смывающий с тебя остатки гнусного желе. Под струями этого дождя нужно сделать еще три шага – к люку баролифта. Опять два оборота влево, ручки на себя, вперед, снова ручки на себя... Этот люк двойной, и всю операцию приходится повторять снова. Но это уже конец. Теперь ты в самом баролифте, где светло и уютно, а давление поднято до того, которое будет ждать тебя внизу.

Ты ложишься на диван, вернее, он только называется диваном, на самом деле это весьма неудобное сооружение, гибрид прокрустова ложа со стандартной больничной кушеткой, и диван обнимает тебя десятками датчиков, щупальцами, лентами, и это надо терпеть полчаса, пока контроль не удостоверится, что с тобой все в порядке и ты готов к выходу вниз.

А когда полчаса кончатся, щупальца и ленты отпадают от тебя, как щупальца осьминога, которому нажали на хрящевой колпачок, и ты встаешь. Уже не человек, не тот Аракелов, который восемьдесят минут назад вошел в «чистилище», – батиандр, «дух пучин», покрытый гладкой, жирно блестящей, маслянистой на ощупь кожей, с выпученными немигающими глазами, с пленкой между пальцами рук. Теперь снаряжение: моноласт, шлем, браслеты – эхолотатора, компаса и глубиномера, – пояс с ножом и сеткой...

Ну вот ты и готов, Аракелов. Теперь остается ждать.

Слава богу, подумал Аракелов, что Марийка не видит меня сейчас. Хорош... прямо первый любовник... Дух пучин!

IV

Серебристая изнанка морской поверхности беззвучно лопнула, и с обзорного экрана ударил в центральный пост ослепительный солнечный свет. Несколько секунд Джулио делла Пене, щурясь, привыкал к нему, потом поднялся, разминая затекшие от долгого сидения ноги, в два шага пересек тесную рубку и, встав на нижнюю ступеньку трапа, стал открывать замок люка. Одновременно с последним – шестым – поворотом штурвальчика и мелодичным контрольным звонком тяжелая стальная крышка резко откинулась и замерла, как поставленная на ребро монета.

В тот же миг в лодку хлынул воздух, и делла Пене почувствовал, что пьянеет. Так пьянеешь от первой затяжки, когда несколько суток не курил.

Тридцать четыре года над головой делла Пене распахивались люки подводных лодок. Самой первой была старенькая дизель-электрическая, доживавшая последние годы в учебном отряде. Мало кто сегодня помнит эти корабли-ветераны – длинные и узкие, как барракуды, с высокими боевыми рубками и стомиллиметровым оружием на палубе... Но именно на такой – даже не ракетной, а еще торпедной лодке молоденький гардемарин делла Пене ушел в свой первый учебный поход...

Потом были другие – могучие атомные левиафаны, в которых чувствуешь себя Ионой во чреве китовом, причем не просто Ионой, а Ионой-долгожителем, особенно к концу десятилетнего автономного плавания. И наконец, был «Тельхин». Красавец «Тельхин», воплощение целесообразности и мощи – двадцать четыре ракеты «Редикул-4А», двадцать четыре месяца автономности и всего двадцать пять человек команды, подобранной зато один к одному; офицерская лодка – две дюжины офицеров и он, командир «Тельхина», капитано ди фрегатта Джулио делла Пене... Чем, ну чем уступал «Тельхин» какому-нибудь «Микеланджело» или «Рафаэлю»? Плавательный бассейн и теннисный корт на подводной лодке – мог ли представить себе такое даже бессмертный создатель «Наутилуса»? Какими же убогими показались после этого контрадмиралу делла Пене юркие субмарины Океанского патруля, отдаленные потомки «Биберов» и «Зеехундов»! Впрочем, за восемь лет он почти свыкся с ними.

Тридцать четыре года... И каждый раз, когда лодка всплывала и распахивался люк, делла Пене замирал, вдыхая морской воздух, впитывая его всем существом, купаясь в нем, потому что как бы ни была чиста и свежа внутрикорабельная атмосфера, кондиционированная, ароматизированная и еще черт знает какая, в ней неизбежно ощущался привкус искусственности. Никакими ухищрениями химиков его не удавалось отбить. А морской воздух... Попробуйте неделю-другую посидеть на оборотной воде, а потом вдоволь напиться ключевой!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.